

Мужская верность

СВОЯ ПРАВДА

Повесть

Марина

Ее жизнь была проста и сложна одновременно. Впрочем, как у каждого человека.

Марина Ивановна Гусько родилась в простой русской семье, в городе Баку. Баку — в те далекие советские времена — интернациональный город, объединивший все народы, живущие в мире и братстве.

Жизнь протекала во дворах.

Маленькая Марина играла с соседскими детьми — Хачиком, Соломончиком, Поладом и Давидом. Приходило время обеда, из окон высовывались мамы и бабушки и звали детей, каждая со своим акцентом. И все было привычно. Иначе и быть не могло.

Марина любила бегать к морю и залезать с мальчишками на нефтяную вышку, на самый верх. Это было опасно. Дети могли легко сорваться, разбиться, соскользнуть в смерть. Они не осознавали этой опасности. Дети.

Родителям было не до Марины. Она сама формировала и сама заполняла свой день. Набегавшись, возвращалась домой, спала без задних ног. При этом задние ноги были грязные и в цыпках. Однако — детство, начало жизни, ее нежное сияние. Марина любила постоянно орущую мать, постоянно дерущегося брата. Любят ведь не за что-то. Просто любят, и все.

Марина училась на три и четыре. По пению — пять. Она хорошо пела — сильно и чисто. Ее всегда

ставили запевалой. Она становилась впереди хора, исполняла запев. А хор подхватывал — припев. Какое это счастье — стоять впереди всех и петь индивидуально...

Марина окончила школу и поступила в педагогический институт. Учитель — это всегда хорошо. Почетно и сытно.

Марина видела своими глазами, как азербайджанские родители таскали учителям корзины с продуктами: домашние куры, фрукты, зелень. Учителя в ответ ставили нужные отметки. Зачем глубинные знания восточным девочкам? После школы выйдут замуж, будут рожать детей. Математика понадобится только для того, чтобы считать деньги на базаре. А русский может не понадобиться вообще.

Марина помнила заискивающие лица родителей и учеников. Ей это было по душе: держать в страхе и повиновении. Как Сталин всю страну, но в более мелком масштабе.

Марина хотела властвовать. Так она побеждала комплексы униженного детства.

В студенческие годы у нее было одно платье. Вечером стирала, утром гладила. Но даже в этом одном платье в нее влюбился Володька Сидоров из политехнического института. Они познакомились на танцплощадке.

Прежде чем пригласить Марину, Володька заслал к ней своего друга Бориса — спросить: пойдет ли она с ним танцевать?

Борис — высокий красавец, подошел к Марине, у нее сердце всколыхнулось. Она готова была упасть в его руки. А оказывается, Борис просто спросил: пойдет ли она танцевать с его другом?

— А где он? — разочарованно спросила Марина.

Володька приблизился — коротенький, широкоплечий, как краб. Не Борис, конечно. Но и не урод. Почему бы не потанцевать? Мог бы и сам подойти.

На другой день они отправились в кино. Володька в темноте взял ее руку. Марина хотела в туалет по малой нужде, но выйти среди сеанса было неудобно. Она терпела, мучилась, и Володькина нежность не производила должного впечатления.

После сеанса отправились в парк. Володька прислонил Марину к дереву и, нажимая на ее тонкий девичий стан, стал впечатывать свои губы в ее губы.

Современная девушка сказала бы запросто: отойди на пять шагов и отвернись. И через десять секунд жизнь приобрела бы совсем другие краски. Но девушки пятидесятых годов — это другое дело. Мальчик не должен знать, что в девушке скапливается моча, — это стыдно. Они вообще Дюймовочки, рожденные в цветке.

Короче говоря, Марина описалась в тот самый момент, когда Володька ее целовал. Было темно, ничего не видно, только слышен шум падающей струи.

Володька повертел головой на короткой шее и спросил:

— Что это?

Марина тоже повертела головой, как бы прислушиваясь, и спросила:

— А где это?

Потом она быстро увела Володьку от этого дерева к другому и целовалась с другим настроением, полностью участвуя в поцелуе, изнывая от томления. Единственное — тормозила его руки, когда они соскальзывали ниже талии.

Вечером опять пришлось стирать платье. Володька ничего не заметил в тот раз. А если бы даже и заметил — легко простил. Его ничто не могло свернуть с пути познания Марины, ее тепла, ее запаха и тайных тропинок. Он хотел познавать — дальше и глубже, и долго. Всегда.

Они поженились.

Мать рассказывала соседям: как ни придешь, всегда лежат. И это правда.

Через девять месяцев у них родился ребенок. Мальчик. Хорошенький, со светлыми кудряшками, как Ленин в детстве.

У Марины — сессия, ребенок — в яслях. Придешь забирать — он мокрый по горло, простуженный, недокормленный. Голова идет кругом: не знаешь, за что хвататься — за пеленки или за конспекты? В зеркале Марина натыкалась на свое серое лицо с синяками под глазами. Хотелось лечь и ни о чем не думать, заснуть летаргическим сном. Володька не помогал, у него одно на уме. Марина подчинялась с обреченностью овцы, но, даже занимаясь любовью, думала о том, где взять денег, что сварить на завтра, как сдать экзамен.

Принято считать, что материнство — счастье. Счастье — когда есть деньги, есть помощники. Когда есть все, и ребенок — ко всему.

А когда нет ничего, сплошные нагрузки, то ты уже не человек, а лошадь под дождем.

Прошло десять лет.

Володька после института работал на заводе маленьким начальником. Шум, грохот, пьяные работы. Трезвыми они бывали до обеда, то есть до две-

надцати часов. А после двенадцати — святое дело. И Володька с ними. Но меру знал. Его уважали.

На работе Володьке нравилось. Он вообще любил работать. Ему было интересно в процессе. Конечная цель определена, и каждый день — продвижение к цели.

А дома — скучно. Марина вечно чем-то недовольна, вечно ей мало денег. Сын постоянно что-то требует: то катай его на спине, то учи уроки, то играй в прятки. А Володька устал. Какие прятки... Он предпочитал лечь на диван и уснуть.

Он так и поступал. Газету на лицо — и на погружение.

Появлялась Марина и начинала дергать вопросами, как рыбу за крючок. Володька всплывал из своего погружения, разлеплял глаза. Ну не может он приносить больше, чем ему платит государство. Не может он идти в гости, ему там скучно. Он может работать и спать. Да. Такой у него организм.

Противоречия со временем не рассасываются, а усугубляются. Марина в знак протеста игнорировала супружеские обязанности, отказывала в жизненно необходимом. И все кончилось тем, что у Володьки появилась любовница — армянка. Марине передали: с волосатыми ногами. Раньше он приходил домой, ел и спал. А теперь — приходил, ел и уходил. Спал у армянки.

Начались скандалы на новую тему. Раньше было две темы, теперь стало три.

Марина решила гнать неверного мужа из дома, но мать сказала:

— Ты что, сошла с ума? Кто же отдаст родного мужа в чужие руки?

Марина задумалась. Ей стало обидно, что Володька — ее, и только ее, — вдруг нашел другие ноги, глаза, не говоря об остальном.

Марина работала в школе, в младших классах. Проверка тетрадей съедала все свободное время.

В учительской активно обсуждали ее семейную ситуацию. Марина поделилась с подругой, географичкой, а то, что знают двое, — знает свинья. В песне поется: «Мне не жаль, что я тобой покинута, жаль, что люди много говорят...»

У Марины было чувство, что она голая стоит посреди учительской, а все ходят вокруг нее кругами и рассматривают с пристрастием. Было стыдно, холодно и одиноко.

Большинство коллектива держало сторону Марины: самостоятельная, в порочащих связях не замечена, прекрасный специалист. Дисциплина в классах — как в армии, учебный процесс обеспечен. И закон на ее стороне: штамп в паспорте, ребенок. Семья. А армянка — кто такая?

Но были и сторонники армянки. Говорили, что, как всякая восточная женщина, армянка беспрекословно подчиняется мужчине, не задает лишних вопросов, не критикует, упаси бог. Только вкусно готовит и подчиняется. Ну и отдается с большим энтузиазмом. Всю душу вкладывает. И опять же — южный темперамент. Ну и глаза — большие и бархатные. У всех южных людей большие и красивые глаза. Вырисовывался привлекательный образ: красивая, кроткая, покорная, темпераментная... Володьку можно понять.

Марина пригорюнилась. Что делать?

Укреплять семью, дружно посоветовали в учительской. Родить второго ребенка. Ребенок привя-

жет. И опять же алименты. На двоих детей — тридцать три процента. Зачем армянке алиментщик? Армяне умеют считать деньги. А если родится девочка, Володька вообще никуда не денется. Отцы любят девочек как ненормальные.

Сказано — сделано. Марина изловчилась и зачала ребенка. А через девять месяцев родилась девочка. Назвали Снежана. Имя — нежное, нерусское. Марина предпочитала все нерусское, это называлось «преклонение перед Западом». Хотя скоро выяснилось, что Снежана — болгарское имя. Курица — не птица, Болгария — не заграница. Лучше бы назвали Мария, международный стандарт. Но Снежана осталась Снежаной, сокращенно — Снежка. Это имя ей очень шло.

Володька ходил задумчивый, но образа жизни не поменял. После работы приходил домой, ел и уходил. А основная его жизнь протекала у армянки.

— Хочешь, я его изобью? — спросил Павел, старший брат Марины.

— Не знаю, — задумчиво ответила Марина.

Она действительно не знала, что делать. С одной стороны, ей хотелось избить и даже убить Володьку, чтобы не достался никому. А с другой стороны, он был ей дорог именно сейчас, когда ускользал из рук. Марина вдруг увидела в нем массу достоинств: немногословный, честный, трудяга, а главное — мужик. Мужская сила — в глазах, в развороте плеч и в верности, как это ни странно. Он больше десяти лет был верен Марине, теперь до конца дней — той. Видимо, одной женщины маловато для мужского века.

Павел избил Володьку без разрешения. По собственной инициативе. Так он защищал честь сестры. Не один, а с товарищем. Они метелили Володьку,

пока он не упал. А когда упал — дали пару раз ботинком в морду. От души. Володька вернулся домой, выплюнул зубы, собрал вещи. И уехал из города. Вместе с армянкой. Боялся, что и ее побьют.

Марина отчитала Павла. Он сорвал всю схему. Девочка бы росла, Володька бы привыкал и, возможно, оторвался от армянки. А если не оторвался, жил бы на два дома. Все лучше, чем ничего. А что теперь? Тридцать два года, двое детей. Кому нужна? Кому нужны чужие дети...

Надо было выживать. Но как?

Марина отдала девочку в ясли, и сама в ясли — работать. Пришлось уйти из школы. В яслях обе сыты, дочка присмотрена. И еще домой прихватывала из столовой: кастрюльку супа, сверху — кастрюльку котлет с лапшой, в банку — компот из сухофруктов. Получалось полноценное питание для сына Саши — белки, витамины. Жить можно, с голоду не помрешь. И на одежду хватало: зарплата плюс Володькины алименты. Были сыты, одеты и даже принаряжены. На праздниках Снежана смотрелась лучше всех, в бархатном зеленом платье и лаковых туфельках.

Но не хлебом единым жив человек. Особенно в молодые годы.

Директор детского сада подкатывался к Марине, но у него изо рта воняло горохом. Говорят, нелюбимые плохо пахнут. А любимые — благоухают. Взаимное тяготение скрыто в запахах. Как у собак. Просто люди об этом не догадываются.

Марина не могла целоваться с директором. Ее мучило.

Потом возник вдовец. Познакомились в очереди за картошкой. Вдовец с ребенком — мальчик, Сашин

ровесник. Не старый, лет сорока пяти. Приличный. Марина стала присматриваться: жилплощадь, зарплата... Но однажды вдовец произнес такую фразу:

— Ты своего сына отдай матери. А Снежана пусть останется с нами. У нас будет двое детей — твоя девочка и мой сын. Поровну.

Когда смысл сказанного дошел до Марины, а дошел он быстро, в течение минуты, вдовец перестал существовать. То есть физически он еще стоял посреди комнаты, но для того, чтобы дойти до порога, одеться и выйти за дверь, ему понадобилось три минуты. После чего он исчез из ее жизни и из ее памяти.

Саше к тому времени было двенадцать лет. Длинненький, с крупными коленками на тонких ногах, как олененок. Он везде ходил следом за матерью, носил тяжелые сумки, помогал, как настоящий мужчина. Марина советовалась с Сашей по части прически и макияжа. И он давал совет типа: «Не крась губы фиолетовой помадой, ты в ней как утопленница...» Марина стирала с губ модный в те времена фиолетовый цвет, заменяла на нежно-розовый. И действительно становилась моложе и естественнее.

Марина любила сына до судорог, хотя видела его недостатки: ленивый, безынициативный... Но при чем здесь достоинства и недостатки, когда речь идет о собственных детях. Недостатки Марина тут же превращала в достоинства. Ленивый, но зато не нахальный. Скромный. А эти «не ленивые» прут, как носороги, попирая все человеческие ценности.

Когда за вдовцом хлопнула дверь, Марина заплакала. Но слезы были светлые и крепкие. Она поняла, что ей ничего не светит по части любви и надо жить ради детей и ставить их на крыло.

Снежана пошла в первый класс, и Марина вернулась в школу. Снежана училась хорошо, хватала на лету. Было ясно, что девочка неординарная. И другие замечали.

Марина уже ничего не ждала для себя лично, и в этот момент судьба сделала ей царский подарок. Этот подарок назывался Рустам.

Сначала Марина услышала его голос.

Она сидела дома, проверяла тетради, когда зазвонил телефон. Марина сняла трубку и отозвалась:

— Алё!..

— Попросите, пожалуйста, Джамала, — сказал приятный мужской голос.

— Вы не туда попали, — вежливо ответила Марина и положила трубку.

Сосредоточилась на проверке тетрадей, но снова зазвонил звонок и тот же голос попросил:

— Позовите, пожалуйста, Джамала...

— Я вам уже сказала: вы не туда попали. — Марина положила трубку.

Прошло пять секунд. Звонок.

— Нет тут никаких Джамалов, — с легким раздражением отчитала Марина. — Вы какой номер набираете?

Приятный мужской голос проговорил нужный ему номер.

— Ну вот так и набирайте, — велела Марина.

— Извините, — отозвался приятный баритон.

Марина положила трубку, но уже не могла сосредоточиться на работе. Ей казалось, он снова позвонит. И он позвонил.

— Алё! — гавкнула Марина.

В трубке молчали. Несчастный обладатель баритона уже не решался позвать Джамала.

— Это вы? — проверила Марина.
— Это я, — честно отозвался баритон.
— На телефонной станции неправильно соединяют, — предположила Марина.

— А что же делать?

— Дайте мне телефон вашего Джамала, я его наберу и скажу, чтобы он вам позвонил. Как вас зовут?

— Рустам.

— Он вас знает?

— Ну да. Я его родной брат.

— Хорошо. Я скажу, чтобы Джамал вам позвонил. Какой телефон?

— Мой?

— Да нет. Зачем мне ваш? Джамала телефон.

Рустам продиктовал. Марина записала и положила трубку.

Далее она набрала нужные цифры. Подошел голос, как две капли воды похожий на предыдущий. Значит, Рустам и Джамал — действительно братья.

— Позвоните, пожалуйста, своему брату Рустаму, — официально проговорила Марина. — Он не может до вас дозвониться.

— А вы кто? — спросил Джамал.

— Телефонистка.

Марина положила трубку. Сосредоточилась на работе. Она проверила четыре тетради, когда снова раздался звонок.

— Большое спасибо, — сказал Рустам. — Все в порядке.

— Ну хорошо...

— А как вас зовут? — спросил вдруг Рустам.

— А зачем вам? — не поняла Марина.

— Ну... Я к вам привык. У вас такой красивый голос.

Марина усмехнулась.

— А давайте увидимся, в кино сходим, — предложил Рустам.

— А как вы меня узнаете?

— А вы возьмите в руки газету.

Баритон был не опасный и очень нежный. А в самом деле, почему бы и не сходить в кино...

— А сколько вам лет? — спросила Марина.

— Двадцать шесть. Много.

Марина огорчилась. Ей было тридцать два. На шесть лет старше.

Но в конце концов не замуж же выходить. А в кино можно сбежать и с разницей в шесть лет.

— Значит, так, — распорядилась Марина. — На мне будет белый шарфик в черный горох. Если я вам не понравлюсь, пройдите мимо.

— Вы мне уже нравитесь, — простодушно сознался Рустам.

Молодой наивный мальчик. Это тебе не вдовец с копотью жизненного опыта.

Марина оставила Снежку на Сашу. Показала, чем кормить и во сколько. А сама нарядилась, надушилась духами «Белая сирень» и отправилась к кино-театру.

Марина стояла полчаса и поняла, что Рустам не придет. Вернее, он был, но прошел мимо. Зачем ему нужна русская тетка с двумя детьми... Про детей он, конечно, не знал, но узнал бы. Марина вздохнула и пошла к автобусной остановке, чтобы вернуться домой. Она уже сделала десять шагов, когда перед ней внезапно, как из-под земли, возник Омар Шариф в натуральную величину. Белые зубы, белая рубаха, русая голова. Русский азербайджанец. Такое тоже бывает. Он схватил Марину за руку и сказал, задыхаясь:

— Меня Джамал задержал. Приехал в последнюю минуту.

— А вы бы сказали, что спешите...

— Не могу. Старший брат.

Значит, брата нельзя напрягать, а Марину можно. Мусульманская семейная клановость имела свои достоинства и недостатки, как два конца одной палки.

Марине стало ясно, что эта встреча ничего не даст. Рустам — законченный красавец. Зачем она ему? Даже смешно. Жаль? Ничуть. Она ничего не приобретала, но и не теряла. Еще не вечер, и жизнь впереди. Не этот, так другой. А можно — ни того ни другого. Мужчина нужен для продолжения рода. А дети — уже есть. Программа выполнена.

— На журнал опоздали, — сказал Рустам. — Но ничего...

Он взял Марину за руку, будто знал давно, и они побежали. И белый шарфик в черный горох развевался на ветру.

Журнал уже шел, но их пустили. Они прошли на свои места и сели рядом.

Зерно сыпалось в закрома страны, узбеки собирали хлопок, и он тоже сыпался, как вата. Марина преувеличенно напряженно смотрела на экран, а Рустам — она это видела боковым зрением — смотрел на нее. Присматривался. Примеривался.

Рустам был хороший мальчик из хорошей азербайджанской семьи. Его мать — актриса ведущего бакинского театра — хотела для него хорошую девочку из хорошей азербайджанской семьи, не актрису, не дай бог... Такая девочка все не находилась. Непростое это дело — правильно выбрать подругу жизни, мать будущих детей.

Рустам в темном зале обсматривал русскую молодую женщину, и она нравилась ему все больше. Во всем мягкость: в овале лица, в льняных волосах, во взгляде голубых глаз. У азербайджанских девушек не бывает такой голубизны и такой льняной мягкости.

Когда фильм кончился, Рустам был влюблен окончательно и готов к любой авантюре.

Авантюра затянулась на долгие годы.

«Какое счастье, что Володька меня бросил, — думала Марина. — Иначе я не узнала бы, что бывает такое...»

Рустам работал в правоохранительных органах, в чине капитана. Его отец и брат тоже трудились на этой ниве. Отец — генерал, Джамал — полковник. Может быть, они сами себе давали звания...

Рустам приходил на работу, окидывал взором стены кабинета и звонил Марине в школу. Она уже ждала его звонка и сдергивала трубку.

— Позовите, пожалуйста, Джамала... — произносил Рустам.

Марина радостно хохотала, звенела как колокольчик. Рустам слушал ее счастливый звон, в нем все резонировало и отзывалось. Рустам шептал Марине в ухо такие вещи, о которых принято молчать. Марина в ужасе шила глазами по сторонам — не слышит ли кто? Нет. Никто не слышал и даже не догадывался.

Марина обмирала от слов. Пульс начинал стучать в самых неожиданных местах — в горле, например, в губах и много ниже.

— Спасибо. Вы очень любезны, — сухо проговаривала Марина, чтобы ввести учительскую в за-